

О СЕМАНТИКЕ ОДНОГО ЭПИЧЕСКОГО ПРОЗВИЩА

Баир Сономович ДУГАРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). Занимается вопросами этногенеза, фольклора и мифологии монгольских народов, автор статей по истории и культуре народов Центральной Азии и Южной Сибири.

В эхиритском улигере «Нарин Хүзүүн Гүлдэмэй» («Тонкошей Гүлдэмэй»), записанном от сказителя Буры Барнакова, одноименный герой этого эпического сказания имеет уважительное прозвище *Нашан хүбүүн шаньюдай* (Дугаров, 1980, с. 176). Оно кажется неординарным, его семантика представляет определенный интерес. Поскольку все три слова, образующие это прозвище, внутренне связаны между собой, автор рассмотрит их в той последовательности, в какой они представлены.

Нашан в бурятском языке имеет значение «кречет, сокол» (Бурятско-русский словарь, 1973, с. 325). Для сравнения: в халха-монгольском *начин* означает «сокол, кречет» (Большой академический монгольско-русский словарь, 2001, с. 401). В сознании тюрко-монгольских народов сокол, или кречет, являлся особо почитавшейся, «правительственной» птицей, связанной с идеей верховной власти (Симаков, 1998, с. 123). В одном из эпизодов «Сокровенного сказания» явившийся во сне белый сокол, зажавший в когтях Солнце и Луну, интерпретируется как дух киятского племени, вселившийся в будущего Чингисхана, что предрекало ему судьбу великого властелина (Козин, 1941, с. 86). Не случайно

летающий кречет изображался на родовом знамени Чингисхана (Хара Даван, 1991, с. 49). Образ этой сакральной птицы напрямую перекликается с эмблемой в виде кречета на щите легендарного Аттилы, который сохранил в придунайских степях птичью символику правителей его исторической прародины. Названия же хищных птиц семейства соколиных, олицетворявших в глазах древних кочевников религиозно-магическую связь с Небом, нередко употреблялись в контексте родовых имен выдающихся лиц, в особенности военных вождей (Дементьев, 1951, с. 143). В свете вышеизложенного первая часть прозвища эпического героя эхиритского улигера *Нашан* (в значении «сокол (кречет)») относит его к разряду представителей ханской фамилии, каковым он и является в контексте улигера.

Вторая часть прозвища — слово *хүбүүн* (древнемонг. «кьвегьн») сохранилось в бурятском языке и активно бытует в разговорной речи в значении «сын, мальчик, парень, молодой человек». В эпосе *хүбүүн* характерно для архаичной эхирит-булагатской традиции в значении «молодец, удалец, витязь». Оно могло означать и титул главы родоплеменного объединения у древних бурят (Аламжи Мэргэн, 1991, с. 301). Гибкую интерпретацию слова *хүбүүн* по отношению к Гэсэру проводят Д.А. Бурчина и А.Б. Соктоев. В тех случаях, когда в эпосе речь идет о Гэсэре в младенческом возрасте, *хүбүүн* предпочтительнее перевести как «дитя» или «мальчик». Когда же речь идет о возмужавшем Гэсэре, который в народном представлении считается богатырем богатырей, слово *хүбүүн* обретает дополнительный смысловой оттенок, который соответствует понятию «могучий» (Абай Гэсэр Могучий, 1995, с. 424). Для сравнения отметим, что термин *хүбүүн* в эпоху средневековья имел значение «сын, сын-царевич, предводитель», во времена Монгольской империи так сначала называли молодых царевичей — чингисидов, а впоследствии — *тайджжи* и *хон-тайджжи* (титул, заимствованный у китайцев) (Владимирцов, 1930, с. 219). Таким образом, слово *хүбүүн* как компонент прозвища героя эхиритского улигера является исконно бурятским, обладает исторической ретроспективой и эпическим диапазоном и достойно характеризует самого героя.

Относительно третьего компонента прозвища героя *шаньюдай* следует отметить, что это слово распадается на две части: *шанью(й)* и *-дай*. Последнее является формантом, присущим мужским именам. Например, антропонимы *Баяндай* (от *баян* — «богатый» + — *дай*), *Хусадай* (*хуса* — «баран») + *-дай*) или эпоним *Хоридой* (от *Хори* + *-дой*) (согласно сингармонизму формант *-дай* переходит в *-дой*). Автор же интересуется основа *шанью(й)*, в которой как будто бы узнается древний хуннский термин *шаньюй*, но прежде чем сделать определенный вывод, необходимо убедиться, является ли это сходство кажущимся, случайным или все-таки имеет под собой некую историю этнографическую подоплеку.

Как известно, словом *шаньюй* обозначался титул верховных правителей хунну (сюнну). Оно имело значение «обширный», т.е. подразумевалось, что носитель этого титула обширен, подобно небу, и, стало быть, обладает огромной властью, не имеющей себе равных (Таскин, 1986, с. 213). Это утверждение не было голословным, так как существование первой кочевой империи под главенством шаньюев (209 г. до н.э. — 93 г. н.э.) говорит само за себя. Примечательно, что термин *шаньюй* надолго пережил народ, в среде которого родился. После распада хуннской державы этот титул еще в течение 4—5 столетий носили вожди различных тюрко-монгольских племенных союзов и государственных образований (ухуани, сяньбийцы, дисци и др.).

Историческое обаяние этого названия было столь велико, что оно не исчезло окончательно и еще долгое время находило применение в Центральной Азии, но уже не в качестве обозначения официального титула, а просто как почетное звание верховного вождя вплоть до XII в. Об этом свидетельствует стихотворение китайского посла, посетившего в 1055 г. киданей, в котором говорилось, что в день празднования нового года он был приглашен во дворец *шаньюя* (киданьского императора) (Материалы по истории сюнну, 1973, с. 7). Письменные источники умалчивают о дальнейшей судьбе термина *шаньюй*,

тем не менее он находит опосредованное продолжение в титульном имени основателя Монгольской империи Чингис. Как пишет об этом Д. Банзаров, Темуджин, принимая это имя, восстановил хуннский титул *шаньюй*, который соответствовал монгольскому понятию *тэнгри* — кубу, т.е. сын Неба (Банзаров, 1955, с. 176). Иначе говоря, речь идет о сакрализации хаганской власти у монголов, возводивших ее к своим дальним историческим предшественникам в лице хуннских шаньюев. Бурятский ученый допускал также мысль, что воспоминание «о первом могущественном ханстве, давшем сильное движение всем племенам Средней (Центральной. — Б.Д.) Азии, и титуле его правителей» могло в той или иной форме сохраниться у народов, населявших территорию исторической Монголии (Банзаров, с. 177). Это предположение имеет под собой реальную основу, если иметь в виду, что монголоязычность значительной части населения хуннской державы считается установленной. К этому выводу пришел монгольский ученый Г. Сухбаатар путем лингвистического анализа языка хуннов, их ономастикона и этнонимии (Сухбаатар, 1980, с. 213, 286). Интересную попытку сопоставления исконных бурятских антропонимов с именами хуннских шаньюев предприняла А.Г. Митрошкина. По ее мнению, основанному на изысканиях зарубежных и русских ученых, имена известных хуннских вождей *Маодунь* и *Тоумань* соотносятся с бурятскими именами типа *Модон*, *Модогой*, *Модогор* (апеллятив МО — «дерево, палка, бревно») и *Түмэн* со значением «десять тысяч». Любопытен и тот факт, что слово *яньчжи* — титул главной жены шаньюя — бытует в монгольских языках как женское имя с суффиксом *маа* (*Янжима*, *Янжимаа*) (Митрошкина, 1995, с. 48—49).

Таким образом, термин *шаньюй*, проявивший удивительную живучесть в течение более чем тысячелетнего периода, как видно из вышеприведенных примеров, мог вполне сохраниться в маргинальных монгольских наречиях. Это и подтверждает наличие слова *шаньюй* в рассматриваемом автором эхиритском улигере, который относится к эпической традиции, отличающейся наибольшей архаичностью в монголоязычном фольклорном пространстве.

Речь идет в данном случае об эхирит-булагатском эпосе, для которого характерны два древних типа эпического нарратива — «семейно-брачный» и «воинский» (Неклюдов, 1986, с. 72). Улигер *Нарин Хүзүүн Гүлдэмэй* относится ко второй категории, в которой в эпической форме нашел отражение типичный для кочевых центральноазиатских ханств мотив борьбы за престолонаследие. Главный герой этого произведения *Нарин Хүзүүн Гүлдэмэй* (в дальнейшем *Гүлдэмэй*) оказывается жертвой интриги, которую затевает его коварный дядя *Хара Дулдай*, он хочет возвести на ханский престол собственного сына, уничтожив племянника. Это ему удается сделать с помощью старухи-злодейки. Но героя оживляют (мотив «временной смерти», имеющий инициационный характер) двое его подросших сыновей, чудом уцелевших от мести *Хара Дулдая*. *Гүлдэмэй* расправляется со своими противниками, свергает *Эзэн Богдо хана* и становится сам во главе ханства. Обращает на себя внимание имя последнего персонажа, точнее, его титул *Эзэн Богдо хан* («владыка, августейший хан»), оно появилось в сравнительно более позднее время и тем символичнее его соседство с первым историческим титулом степных правителей — *шаньюй* в одном и том же эпическом тексте.

В целом прозвище эпического героя *Нашан хүбүүн шаньюдай* можно перевести, исходя из контекста улигера, как «подобный соколу удалой вождь». Следует оговориться, что русский перевод не передает всех оттенков значения каждого из этих трех слов, составляющих прозвище, тем не менее позволяет определить социальный статус, возраст и воинские качества данного персонажа. Подобного рода прозвища, характеризующие тех или иных улигерных героев, встречаются во многих эпических произведениях бурят, а также у соседних тюрко-монгольских народов.

Эта своеобразная традиция представлена и в древнейших центральноазиатских письменных памятниках (Гребнев, 1960, с. 46—53). Применительно рассматриваемой теме уместно привести высказывание Б.Я. Владимирцова об

«особых предводителях или вождях», которые, получая власть над степной аристократией «как наиболее сильные, ловкие, смышленные, богатые», «очень часто носят характерные прозвища...» (Владимирцов, 1934, с. 74). Вполне возможно, что прототип образа *Гүлдэмэя* с его уважительным прозвищем восходит к этой исторической среде, типичной и для более ранних кочевнических обществ Центральной Азии. Сама семантика прозвища *Нашан хүбүүн шаньюдай* является в некоторой степени знаковой, указывающей на глубинные этнокультурные связи носителей эхирит-булагатской эпической традиции с древним центральноазиатским миром. В связи с этим следует подчеркнуть, что многие сказители, в том числе Б. Барнаков, с чьих слов записан улигер «*Нарин хүзүүн Гүлдэмэ*», относились к племени эхиритов (древнемонг. икирес), игравшему заметную роль в средневековой истории монголов. В силу исторических обстоятельств еще в эпоху Чингисхана часть эхиритов оказались в Прибайкалье, точнее в Верхоленье, наиболее дальней и труднодоступной части Баргуджин-Тукума. В этих благоприятных для длительной архаизации эпического фольклора условиях могли сохраниться в «воинском» эпосе эхиритов древние эпические мотивы и образы с соответствующей лексической характеристикой. Тому пример — прозвище улигерного героя *Нашан хүбүүн шаньюдай* («Подобный соколу удалой вождь»), сохранившее в себе уникальный отголосок далекой хуннской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абай-Гэсэр могучий / Сказитель М. Имененов, зап. Ц. Жамсарано; пер. А.Б. Соктоева, коммент. Д.А. Бурчиной и А.Б. Соктоева. М., 1995.
2. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон / сказитель Е. Шалбыков; вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. М.И. Тулохонова. Новосибирск, 1991.
3. Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
4. Большой Академический монгольско-русский словарь. 2001. Т. 2.
5. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1973.
6. Владимирцов Б.Я. Монгольское *оунууд* — феодальный термин и племенное название. Л., 1930.
7. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
8. Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос: (Опыт ист.-этногр. анализа). М., 1960.
9. Дементьев Г.П. Соколы-кречеты. М., 1951.
10. Дугаров Д.С. Бурятские народные песни: (Песни западных бурят). Улан-Удэ, 1980.
11. Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
12. Материалы по истории сюнну (по китайским материалам) / предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М., 1973. Вып. 2.
13. Митрошкина А.Г. Личные имена бурят. Иркутск, 1995.
14. Неклюдов С.Ю., Закономерности стадияльной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // *Mongolica*. Памяти академика Б.Я. Владимирцова. М., 1986.
15. Серебряная конюязь: Бурятские улигеры / пер. В. Бояринова, предисл. М. Хомонова. Улан-Удэ, 1990.
16. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии. СПб., 1998.
17. Сухбаатар Г. Монголчуудын эртний овог. Улаанбаатар, 1980.
18. Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган // *Mongolica*. Памяти академика Б.Я. Владимирцова. М., 1986.
19. Хара Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.
20. Хомонов М.П. Улигеры в исполнении Буры Барнакова // Бурятский фольклор. Улан-Удэ, 1968. Вып. 8.

SUMMARY. Candidate of Historical Sciences Bair Dugarov in his article “On the Semantics of one Epic Nickname” means the nickname of an epic hero Nashan — “falcon” — “gyrfalcon”. The author makes a reservation that a Russian translation does not reproduce all nuances of the meaning of this word. Such nicknames that characterize ones or the other heroes are met in many epic Buriat works, and also in the works of the neighboring Turko-Mongol peoples.